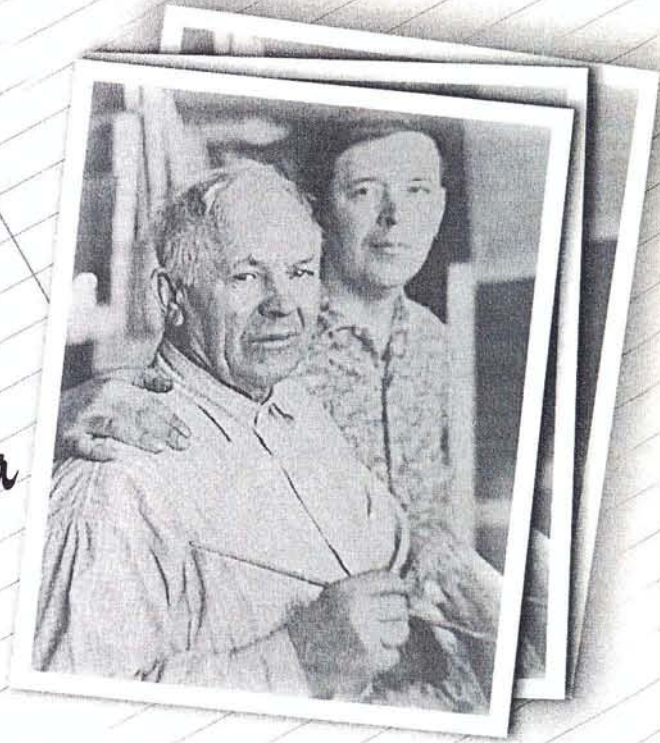

Письма Пластова Пластова Пластова

Художнику Т. Гапоненко. Конец 1940-х
... Теперь насчет того места в твоём письме, которое главным образом испортило мне настроение. Это о Грабаре, вернее, о его намерении посвятить меня в педагоги в институт, и, дальше, о твоём заключении по сему поводу.

Ну, скажи по совести, какой я педагог? Что я знаю по теории и практике живописи? Живу и делаю все наобум, как бог на душу положит, мысль моя темна, отрывочна и противоречива. Для себя даже мне великих трудов стоит сформулировать пустяковое предложение, и в познании тех или иных положений я пользуюсь косноязычной интуицией преимущественно перед самым плохоньким размышлением.

С чем же я выйду перед молодежью? Чем я ее воспитаю? У меня нет ни такта, ни выдержки. Когда приходится касаться живописи, вообще пластических искусств, я со второго слова становлюсь невменяемым и невразумительным до смешного. Никакой педагогикой никогда в жизни не занимался, никакого опыта не имею, до полного обмеления теряюсь перед небольшой даже кучкой слушателей, пытаюсь изложить какое-нибудь теоретическое положение, теряю связь в мыслях, чувство меры и ответственности, минимальной объективности и справедливости...

Н.А. Пластову. 25.04.47.

...Насчет Врубеля, что тебе сказать? Приеду, поговорим, как нужно. Пока одно скажу, что есть два взгляда на искусство — один взгляд людей, предпочитающих печной горшок статуе Аполлона, другой — совсем забывающих в жизни о печных горшках и помнящих только об этом светлом божестве. Каждый взгляд обусловлен, конечно, определенными жизненными обстоятельствами и особенностями воспринимающих. Что же дальше? А дальше вот что: счастлив тот, кто может быть в лагере вторых, почитателей бога света, но плохо ли тому, кто дальше шестка не видит? Не думаю, а вот если нам с тобой пришлось бы только около шестка жизнь коротать и горшку поклоняться — это было бы хуже смерти...

Черновик письма искусствоведу. 18.01.63.

...Я никогда не придумываю названий... Название и идея картины, замысел, его облик рождаются одно-

временно, неотделимо друг от друга. Но только на холсте я пишу цветом и т.п., а на бумажке, что под картиной, пишу ну как бы подстрочный перевод, что ли, того, что зрителю предстает в том или ином облики перед глазами.

Каждый волен подыскать любое слово из убогого нашего словарного фонда (по сравнению с живописью), какое ему кажется более по его разумению, но, давая свой подстрочник, я втайне рассчитывал, что он попадет в руки поэта или просто умного человека, и этого ключа хватит ему открыть твой ларец с немудреными сокровищами. Увы, это редко, редко доводится встретить, а пытаться объяснить слепому, какого цвета молоко, для меня просто не по мозгам...

Детям. 1965 год.

...К искусству способны все люди, и у всех людей в мире во все времена оно было и есть, и без него немислимо представить общество людей, как и без знания. Оно идет с знанием рядом, неся людям радость и любовь к человеку и жизни. Об этом долго говорить, и со временем, подрастая, Вы узнаете все это на бесчисленных фактах истории, и поэтому, конечно, надо всегда помнить, что Вы, школьники, должны прежде всего на отлично исполнять первый Ваш долг, первую обязанность — учиться.

И если Вы открыли в себе к тому же любовь к прекрасному, что дает людям зрение, способность радоваться этому прекрасному и желание поделиться этим прекрасным с другими, изображая его, то всегда помните, что без знаний всякого рода о жизни, о мире, в котором мы живем, Вы не сможете ни сами должным образом узнать, сколько красоты в мире, ни поведать об этом тем, кто еще слеп на это и кому это дало бы радость и облегчило многое в жизни.

Итак, учитесь, учитесь, узнавайте больше, больше...

Ученице 10 класса Р.А. Берхеевой. 1960-е годы.

...Прежде всего не надо отчаиваться; все неурядицы настоящего Вы воспринимаете с точки зрения своего юного возраста, у Вас пока нет жизненного опыта и Вам пока недоступно то, что рядом с тем горем, чем успела наградить Вас жизнь, эта же жизнь в количестве неисчис-

лимом принесет Вам и разрешение от всех горестей и неувязок, что держат Вас сейчас за горло. Жизнь раскроет в Вас силы, о каких Вы по молодости сейчас и не подозреваете и, может, даже толком и не разберетесь на первых порах, когда распахнутся ворота Вашего сейчасного закуртка и безбрежный мир развернется перед Вашим растерянным и восхищенным взором.

Это так и будет, и ничто в мире не оставит пришествия к Вам радости жизни такой большой и бескрайней, что Вы и малой доли ее сейчас и представить не можете.

Я говорю это Вам с полной ответственностью – ведь я прожил долгую жизнь, и жизнь всяческую. И чем дольше живу, тем все более и более убеждаюсь, что если бы на заре моей юности, как вот сейчас у Вас, я предался какой-то расслабленности, чувству бесперспективности, естественному в иные моменты, по мнению иных, чувству усталости, скуки, вялому раздумью, я бы был давным-давно смят и раздавлен неисчислимым количеством всяких обстоятельств и преград в жизни, без следа, мутной тенью растаял бы в сутлке этой жизни...

Н.А. Пластову. 13.01.46

... С большим вниманием и удовольствием прочитал твои письма. Знай, милый сынка, что радостью бьется мое сердце и гордостью, когда я читаю о том, что ты пишешь и рисуешь и не кичишься достигнутым, а относишься вдумчиво и критически.

Это очень верно, это так и нужно – вот этот здравый взгляд на вещи, на себя, на свои поступки, на движение своих мыслей, своего сердца. Через это достигается то беспокойство духа, плодотворное и творческое, без которого немисливо никакое движение вперед.

Всегда держись этой троицы: веры, что делаешь то, что нужно, надежды, что у тебя хватит сил на это, и любви к этому делу.

Конечно, насильно не следует приневоливать себя ни к чему, но дисциплина духа должна быть всегда на высоте. Ведь бывают моменты, особенно у таких молодых, как ты, когда беспечная мысль, что все успеется, завладевает человеком так сильно, что начинается беспорядочный разброс сил и туда, и сюда, и вообще впустую. Вот тут-то и должна быть стержнем поведения мысль, что работать надо систематически, никогда не отступая от планомерного упражнения в любимом деле.

Ведь никогда не придет в голову в какой-то момент взять да и бросить дышать, например. Впереди времени мол, много, еще надышусь.

Так и эта работа. Она должна быть ритмична и неустанна, как биение нашего сердца. Иногда послабже, иногда поинтенсивнее, но безостановочно, неусыпно – и тогда какая будет радость пожинать плоды умных и прекрасных трудов своих.

Ты вот пишешь про свой рисунок раковины с наядой. Я и не думаю смеяться над этим. Ведь движения нашего сердца, колебания наших чувств... столь многообразны и часто неожиданны, что надо только в этом полете в прекрасное об одном заботиться: чтобы это было искренне, волновало и трогало; чтобы ни на волос не было фальши или попытки сделать работу по сухому расчету, по холодной мерке равнодушного, безразличного ума.

Практически я рекомендовал бы тебе кое-что из наблюдений не просто зарисовать, это не всегда возможно, а только записать впечатление от того или иного явления, закрепить в памяти цвет, форму, линии, сюжет, мотив... пройдет ведь какое-то время, и то, что сейчас ярко и волнующе, уйдет из памяти, а ведь это может быть каким-то иногда ценным семенем, из которого в надлежащий момент сможет развиваться что-нибудь сложное и прекрасное, обогатившись последующими наблюдениями и раздумьями.

Не забывай только учебу, мой милый сынка, - плох художник-невежда, очень плох, как правило. Широта кругозора и глубина понимания действительности и смысла жизни – основа правильного развития всех основ чувства прекрасного, которое в нас заложено.

В прекрасном без этого очень легко заблудиться, пробродить среди цветов и благоуханий всю жизнь без пользы для людей и без настоящей радости для себя. Мало ведь того, чтобы чувствовать красоту, надо еще понимать жизнь, и тогда без знаний не обойтись.

Ну ладно, я зафилософствовался, но ты... поймешь, что мне хочется и что я не всегда ясно могу выразить.

Вот тебе плоды моего плохого образования. Я в твои годы жил без всякого умного руководства и вырос, как дикая яблоня – сучков много, а плодов мало, а что и есть, так и то – кислятина... Насчет N.N. ты прав тысячу раз: скучное дело эти приятели. Уметь и мочь находить радость наедине с самим собой – великое счастье. Надо только для этого любить искусство и природу и не чуждаться людей.

людей в мире во все времена оно было и есть, и без него не мыслимо представление общества без знания. Оно идет с знаниями, радостью и любовью к человеку. Мало говорить, и со а, Вы узнаете все это на их истории, и поэтому, да помнить, что Вы, ми прежде всего на отменно ми Ваш долг, первую учиться. ярами в себе и тому же любоб что даст людям знания.